

ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА В СОВЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

Исторический роман в нашу эпоху получил широкое развитие. Советские исторические романисты стремятся «оживить мёртвую букву летописного сказания» (Н. А. Добролюбов).

Чтобы быть правдивыми, советские писатели, разрабатывающие историческую тематику, должны определить основные тенденции развития исторической жизни, а затем художественно изобразить историческую действительность в революционном развитии, в борьбе нового со старым, в художественных образах раскрыть перспективы истории с «учётом дальнейшего развития» (Энгельс), заглянуть из исторической эпохи в завтрашний день.

Эти общие принципы социалистического реализма обязан помнить и каждый советский исторический романист независимо от того, какой конкретный исторический материал лежит в основе его художественного произведения, будь то военное событие, деятельность государственной личности или жизнь и быт народа.

Как же выполняются указанные требования нашими писателями?

В нашу задачу не входит рассмотрение всего обилия советских исторических романов: для этого потребовалось бы значительно раздвинуть рамки статьи. Мы рассмотрим лишь 4 романа о недалёком прошлом нашего народа, о кануне революции 1905 года, о русско-японской войне.

Основные тенденции развития жизни в конце XIX — начале XX века состояли в подготовке народных масс к революции. Одним из первых художественно осознал это А. М. Горький.

Эту эпоху широко осветил также А. С. Новиков-Прибой в своей эпопее «Цусима».

«Цусима» — один из лучших исторических романов в советской литературе. В романе нет революции 1905 — 1907 гг. в её высшем пункте, но цусимские события освещены писателем с учётом перспектив этой революции. Роман Новикова-Прибоя дополняет изображение пролетарского движения в повести «Мать» М. Горького изображением революционного движения во флоте.

На материале похода II-й Тихоокеанской эскадры писатель сумел показать типические для той эпохи явления, изобразил в миниатюре Россию со всеми её противоречиями экономического и политического характера и своё описание пронизал общей идеей неизбежности и необходимости революции.

Тема революции в «Цусиме» охватывает две важные проблемы в творчестве Новикова-Прибоя: народ в революции и истории и интеллигенция в революции.

Народ в революции — проблема, волновавшая А. Серафимовича, В. Маяковского, Д. Фурманова, А. Фадеева, В. Вишневского и др. У Новикова-Прибоя эта проблема превратилась в проблему армии в революции, так как матросы и солдаты это переодетые рабочие и крестьяне.

Задача создания военной организации вооружённого народа была одной из важнейших задач и революции 1905—1907 гг. Социал-демократические организации Баку, Сибири, Нижнего Новгорода, Петербурга и др. обращались к солдатам и матросам с прокламациями и листовками, разоблачающими самодержавие и капитализм. В повестке дня II съезда РСДРП стоял специальный вопрос о работе среди солдат; Ленин написал ряд статей о методах и приёмах работы большевиков среди солдат.

Период этого развивающегося революционного подъёма в армии (флоте) отразил Новиков-Прибой в своей исторической эпопее «Цусима».

Писатель создал яркие, запоминающиеся образы героев-цусимовцев — Бакланов, Галкин, Ильютрович, Фёдоров, Смирнов, Визуль, Ющин—трудно перечислить имена

патриотов. Имя им — русский народ. Недаром же Новиков-Прибой часто рассказывает не о героизме каждого человека, а о героизме коллектива или просто корабля («Изумруда», «Светланы», например). Корабль и боевой флаг в глазах матросов символизировали отчизну. Часовой Прокопович не покинул стяга во время боя, пока не «свалился на своём посту мёртвый», сигнальщик с «Громкого» Скородумов под огнём неприятеля «в обнимку со смертью, пришел сбитый с мачты флаг».

Патриотизм цусимовцев был примером для будущих поколений русских патриотов. Поколение героев Цусимы вызвало к жизни поколение героев революции и гражданской войны, поколение Морозки, Метелицы, Корчагина, поколение отважных моряков, штурмовавших Зимний.

Но Новиков-Прибой отразил и революционное движение во флоте. Мы видим, как постепенно от угроз кулаком, от бесплодных выпадов против особенно ненавистных начальников матросы переходили к стихийным коллективным выступлениям. Бунты на кораблях «Русь», «Адмирал Нахимов», «Малайя», «Терек», «Орёл», «Ослябя» и др. это свидетельство нарастающей революционной силы народа.

Новиков-Прибой показал, что «бунты», т. е. возмущения несознательные неорганизованные, стихийные, иногда дикие»,¹ постепенно превращаются в сознательное революционное движение во флоте. Вначале отношение классов во флоте Новиков-Прибой рисует как недолюбивание матросским коллективом отдельных представителей класса эксплуататоров. О мичмане Воробейчике матросы говорят: «Расчирикался наш Воробейчик.

— Самая бесполезная птица на свете.

— Воробью положено в конском навозе копать, а он при кортике ходит и повелевает».²

Если это и не добродушное ворчание, а злое и гневное, то всё-таки это мало активный протест, лишь глухое раздражение. Действие, тем более активное и коллективное, здесь отсутствует.

Постепенно, однако, автор начинает отмечать пробуждение массы к активным выступлениям. Оно проявляется и в почти открытых антивоенных разговорах, и в отказах матросов повиноваться офицерам, и в отдельных выпадах матросов против представителей самодержавия. Против боцмана Саема, например, матросы предпринимали неоднократные «террористические акты». Так, мимо головы кондуктора пролетает «случайно» сорвавшийся сверху кусок железа.

Новиков-Прибой совершенно сознательно не открывает нам имени покушавшегося потому, что хотел показать социальный протест, протест всей команды, а не отдельных личностей, хотел показать обострение борьбы между классами.

Своего апогея активность матросов достигает в массовых выступлениях. Такие выступления писатель освещает подробно и всесторонне. Вот как передаётся «бунт» команды «Орла» после недоброкачественно приготовленного обеда. «От обеда все отказались. Только строевые унтер-офицеры пытались взять обед, однако рядовые сейчас же вырвали у них из рук баки и суп выплеснули за борт. Кто-то из команды крикнул:

— Становись все во фронт! Старшего офицера потребуем!

Привычно, с удивительной поспешностью люди выстраивались в ряды. Весть о решении команды молниеносно облетела все части корабля. И отовсюду торопливо бежали матросы, поднимались на верхнюю палубу, присоединялись к фронту, будто заранее сговорились действовать согласованно. Раздались сотни голосов:

— Давай старшего офицера!

— Старшего офицера сюда!»³

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 8, стр. 524.

² Новиков-Прибой А. Собр. соч., ГИХЛ, 1950, т. 3, стр. 63.

³ Новиков-Прибой А., Собр. соч., ГИХЛ, 1950, т. 3, стр. 283.

Появился старший офицер. «Упавшим голосом, словно после длительной голодовки, он спросил:

— В чём дело, братцы?

Рёвом ответила команда:

— Долой дохлятину!

— За борт обед!

— Долой войну!

— Освободить арестованного!

— Зачем невинного человека посадили в тюрьму?

— Падалью кормите нас, скорпионы!

— Освободить арестованного!»¹

Это — объективное авторское изображение массовых событий. Автор дополняет его описанием настроений и поведения отдельных матросов. Машинист Цунаев, прозванный за его физическую силу «чугунным человеком», предлагает бросить в кают-компанию бомбу. При этом у Цунаева «от волнения раздувались ноздри», он поспешно шептал, «заглушая обрывки фраз сдавленным свистом», а когда его предложение было отвергнуто, он, «недовольно махнув рукой, бегом спустился по трапу вниз».

Кают-компания же воспринимает весть о бунте как сообщение о землетрясении. В глазах офицеров «замутилась смертельная тоска».

Передавая возможные мысли Юнга, Новиков-Прибой дорисовывает картину стихийного возмущения матросов. Командиру корабля команда представляется полыми водами, вышедшими из берегов, дикой ордой, которая дошла до такого состояния, когда «резкий и смелый призыв» одного из матросов к расправе приведёт к побоищу на корабле, и офицеры «полетят за борт».

И, наконец, описание восстания матросов на «Орле» завершается описанием расправы царизма (в лице командующего эскадрой) с восставшими. Рождественский топал ногами, «двигал челюстями», «размахивал руками», «выкрикивал брань», «скрежетал зубами», «неистово орал», обещал затопить корабль вместе с командой, разбил одному матросу лицо и арестовал 8 «зачинщиков».

Всесторонне осветив бунт матросов на «Орле», писатель нарисовал типическую для эпохи картину революционирования народных масс, уже имеющих небольшой опыт классовой борьбы.

Следует отметить манеру писателя рисовать массовые сцены. Новиков-Прибой не называет ни одного имени в массе. За толпой, за пределами коллектива его герои живут каждый своей особой жизнью, каждый имеет свой способ мышления, свои проявления чувств. Когда же личность попадает в коллектив, то не теряя своего индивидуального характера, она подчиняется воле коллектива, его интересам и настроениям. Наболевшее в душе каждого из 900 «взбунтовавшихся» находит выражение в таких действиях и поступках, которые, с одной стороны, являются следствием личных переживаний, а с другой — следствием чувств и настроений коллектива. При этом доминируют коллективистические чувства, о чём говорят весьма убедительно лозунги — требования «толпы». Новиков-Прибой показал роль таких общественных выступлений в деле воспитания в личности классового сознания, сознания общности интересов угнетённых. Огромную роль здесь сыграли моряки из рабочих. На кораблях скопилось большое число рабочих, нередко уже побывавших в классовых боях (Голубев, например). Они-то и влияли на всю массу рядовых матросов.

¹ Новиков-Прибой А., Собр. соч., ГИХЛ, 1950, т. 3, стр. 285.

Небезинтересно обратить внимание на лозунги восставших: «Долой дохлятину!», «Долой войну!», «Освободить арестованного!». Это очень типичные для эпохи подготовки и совершения первой русской революции лозунги. Они стали кличем к бою на «Потёмкине»; выражали чувства и настроения русского народа, изнурённого несправедливой войной; раздавались всюду, где были эксплуататоры и эксплуатируемые, так как аресты и полицейские расправы стали едва ли не единственными мерами «удовлетворения» народных нужд со стороны царизма. На конкретном «местном» морском материале Новиков-Прибой сумел придать данным требованиям общероссийское, «эпохиальное», общереволюционное звучание.

Революционное движение матросов на кораблях 2-й Тихоокеанской эскадры Новиков-Прибой изобразил по тем же этапам, какие наблюдались в революционном движении пролетариата этих лет, и тесно связал с событиями на континенте.

Особенно глубокий след в сознании моряков оставила расправа царя с рабочей демонстрацией 9 января 1905 года. Сразу же после того, как на «Орле» стало известно о расправе царя с народом, революционная судовая организация собралась для обсуждения возможных действий. Наиболее видный и сознательный деятель кружка гальванер Голубев выразил содержание положительной программы революционных матросов следующим обращением к подпольщикам: «Довольно болтать, товарищи! Нам нужно от слов к делу переходить. На всех кораблях найдутся сознательные ребята... Наступила пора приступить к организации массы. Нужно быть готовым к событиям. Пусть каждый из нас установит связь с другими судами. И будем ждать удобного случая, когда, может быть, потребуется вместо андреевского флага поднять красный флаг...»¹

Война и разгром закончили воспитание этих первых пролетарских революционеров во флоте и выковали из них отважных бойцов революции. На митинге над «братским кладбищем» матрос революционер Бакланов призывал: «Двинемся на внутренних врагов. Как японцы топили здесь наши корабли, так и мы утопим в крови весь царский строй».²

Бакланов выражал не только свои чувства, но и чувства всей массы оставшихся в живых цусимовцев.

Советские писатели (Фурманов, Серафимович, Фадеев и др.) рассказывали о победе организованного начала над стихийным в период Октября и гражданской войны. Новиков-Прибой даёт в «Цусиме» картины начального периода этого процесса самосознания масс.

Создавая образы революционеров-моряков, Новиков-Прибой показал старейшее поколение русских революционеров, на опыте которого училось молодое поколение большевиков, поколение Павла Корчагина. Учитель и старший товарищ Павла матрос Жухрай прямо ведёт свою родословную от героев Цусимы, от Новикова, Бакланова, Воеводина и др.

В «Цусиме» нарисован ряд ярких образов матросов-патриотов, представителей народа, сынов России. Одним из них является лирический герой, автор эпического повествования баталер Новиков.

Героя художник ищет в среде самого народа, в наиболее сознательной, передовой части его. Положительный герой выдвигается средой как воплощение лучших черт народа.

Образ матроса Новикова во многом автобиографичен и основан на личных переживаниях писателя-участника похода. Но в работе над этим образом Новиков-Прибой постарался избавиться от всего того случайного, постороннего, что могло лишить

¹ Новиков-Прибой А., Собр. соч., ГИХЛ, 1950, т. 3, стр. 213.

² Новиков-Прибой А., Собр. соч., ГИХЛ, 1950, т. 4, стр. 466.

его обобщающей силы или отделить от общего народного фона. Баталер Новиков выражает настроение передовых представителей рядового состава эскадры.

Характер матроса дан в стремительном развитии. Новиков-Прибой сам прошёл этот путь, прочувствовал и продумал всё то же, что и баталер Новиков.

Баталер Новиков пришёл в революцию из деревенского захолустья Тамбовской губернии неотёсанным и политически малограмотным парнем, полным романтической тяги к морю, и поднялся до сознательного активного борца за освобождение народа. Перед нами раскрывается весь жизненный и революционный путь Новикова. Мы видим, как рождается в мальчишке тяга к знаниям, как растёт в нём стремление к поискам истины и социальной правды, как рушится у него вера в царя, как постепенно революционизируется его сознание. Сам рассказчик признаётся: «...товарищам в экипаже и на кораблях много пришлось поработать надо мною, и самому мне нужно было прочесть немало нелегальной литературы, прежде чем перевернулось моё сознание. Тюрма закончила воспитание. Прежнее деревенское понятие о царе было выжжено в моей душе, как выжигают бородавку на теле».¹ На броненосец «Орёл» Новиков пришёл с твёрдыми революционными убеждениями и ярко выраженными чертами носителя прогрессивных устремлений народа. И здесь, на «Орле», он организует вокруг себя кружок революционных матросов, вырабатывает программу действия, заключающуюся в распространении своего влияния на всю эскадру, готовит восстание флота во Владивостоке.

Образ рассказчика нарисован Новиковым-Прибоем ярко, многосторонне. Интересы и надежды Новикова, его чувства и мысли, его горечи и радости — весь внутренний мир героя развернул писатель перед читателем, ничего не утаив, не скрыв.

Таким образом, воды океанов, как показывает Новиков-Прибой, были свидетелями не только героизма русских моряков в бою, но и революционного героизма русских людей. Над просторами «чужих» морей много раз звучали революционные лозунги и призывы на русском языке. И это было не простое эхо российских событий, это было прямое продолжение тех общерусских явлений, которые замечательно обобщил А. М. Горький в повести «Мать». Автор «Цусимы» остался верен исторической правде.

В глубоко типических образах Новиков-Прибой показал самые существенные черты эпохи подготовки русского народа к 1905 году. Основное в жизни народа этого периода состояло в росте его революционной активности. В художественной форме Новиков-Прибой достаточно широко и убедительно раскрыл это.

И все жизненные проблемы в романе рассматриваются в тесной зависимости их от этих основных тенденций развития исторической эпохи. Можно остановиться, например, на проблеме интеллигенции или офицерства в революции.

В массе своей офицерство выражало потребности в буржуазном преобразовании флота. Офицеры не понимали, что буржуазия не станет проводить последовательную борьбу против самодержавия, и не видели тех сил в обществе, которые свергнут царизм. Но прогрессивная офицерская молодёжь (Гирс, Шамие, Ларионов) несла во флот новое демократическое отношение к матросам и вступала в конфликт с носителями пережитков крепостничества в армии. В бою эти офицеры проявляли лучшие качества русского воина. С первых шагов боя автор раскрывает в русском офицере его русскую отвагу, стойкий характер, высокую мораль. Так, раненый Павлинов заботился только о механизмах орудий, от состояния которых теперь во многом зависел бой. Тяжело раненый Славинский, покидая башню, жалел о том, что мало служил родине. Врач Васильев, невзирая на то, что минуты его были сочтены, продолжал работать на своём посту. Прапорщик Шамие предложил затопить корабли, чтобы они не попали в руки врагов. Младший штурман «Орла» лейтенант Ларионов, страдая от ран, исполнил свой последний долг перед родиной и уничтожил все секретные документы. Штурман «Нахимова» Клочковский решил погибать вместе с кораблём. Пленный лейтенант

¹ Новиков-Прибой А., Собр. соч., ГИХЛ, 1950, т. 3, стр. 214.

Нозиков вырвал у японцев андреевский флаг и с обнажённой саблей отважился защищать его. На «Светлане» все офицеры, от младших и до старших, выразили одно мнение: сражаться до последнего снаряда, а потом взорвать крейсер. «Биться до последнего» решила и вся кают-компания броненосца «Ушаков».

Моральная сила офицеров, как показал Новиков-Прибой, питалась их горячей любовью к родине, к народу. Большая часть офицерства думала о национальной чести. Высокие моральные качества офицеров, близость их к народу, оппозиционность их к высшему командованию во флоте помогли передовой части офицерства перейти на сторону революции. В среде офицерства росло недовольство царским строем, крепла уверенность в неизбежности морального и нравственного обновления флота, его технического обновления. Сознание такой необходимости вело к осознанию необходимости социального и политического обновления всей России. Переход офицеров от внутреннего, скрытого недовольства самодержавием к открытому, прямому протесту нашёл в эпопее Новикова-Прибоя реальное отражение. Война стала для многих молодых офицеров политической школой. Она открыла им глаза на социальную несправедливость, открыла широкие возможности для приложения своих сил, которые были бесполезно скрыты, пока не нашли выхода в служении революционному народу.

Новиков-Прибой создаёт образ офицера-революционера, инженера Васильева. Этим образом, как и образом баталера Новикова, писатель разрешает проблему положительного героя. Инженер Васильев — руководитель революционной подпольной организации на броненосце «Орёл». Теоретически он подготовлен более, чем Новиков. Естественно, инженер оказывает влияние на баталера и опирается на него в своей революционной пропаганде. Васильев ведёт критику царского строя умно, рискованно, но не безрассудно. Он использует остроумные и действенные способы активизации матросов. Таково его рассуждение по поводу лианы. Васильев умело использует случай и связывает его с матросской практикой. Сами матросы ремарках высказали отличное понимание этой связи. Когда инженер закончил словами «Замечательный образ паразита», минёр Голубев говорит: «И среди людей так бывает».¹ Слова Голубева доказали, что Васильев достиг цели — разоблачения эксплуататорского общества.

Васильев верит в победу народного восстания. После поражения эскадры он говорит баталеру Новикову: «Берегите себя для более важной работы. Предстоят грандиозные события. Помните, что с сегодняшнего числа в истории Российской империи начинается новая глава...»²

Забота о революционных силах, об их росте и укреплении — такова цель работы большевика во флоте. В последнем выступлении перед товарищами-революционерами Васильев развивает большевистские идеи, подчёркивая дряхлость «всей царской государственной системы». Он приветствует время, когда «у власти станут представители другого класса», класса угнетённых. «Наше счастье в том, — говорит инженер, — что солдаты повернули свои штыки и ружья в обратную сторону — против тех, кто послал их на бессмысленную смерть. Война закончилась революцией. Нас, переживших Цусиму, ничем больше не устрашишь».

Краткий анализ тем, идей и образов романа «Цусима» убеждает нас в том, что исторические события Новиков-Прибой изобразил с полным «учётом дальнейшего развития». Новиков-Прибой «предсказал» в романе революцию, убедительно и художественно вскрыл необходимость коренной ломки социального строя и замены его новым, более прогрессивным. Новиков-Прибой раскрыл перспективу социалистической революции, показав, как революционная правда по каплям текла с континента на корабли 2 эскадры, разливалась по палубе, проникала в трюмы, поднималась на мачты, а затем мощным потоком возвращалась на берег, чтобы победить.

Чёткое осмысление содержания данной эпохи позволило Новикову-Прибою с достоинством преодолеть все трудности, создать яркое и правдивое произведение, реальные и убедительные образы.

¹ Новиков-Прибой А., Собр. соч., ГИХЛ, 1950, т. 3, стр. 193.

² Там же, т. 4, стр. 187.

Романом «Цусима» Новиков-Прибой дал толчок к всестороннему обсуждению в художественной форме общественных вопросов кануна первой русской революции. Продолжение традиций Новикова-Прибоя мы находим в творчестве других советских писателей.

А. Н. Степанов в своём историческом повествовании «Порт-Артур» совершенно оригинально, на конкретном материале 332-дневной обороны русскими войсками крепости Порт-Артур ставит тему русско-японской войны. Он дополнил созданную Новиковым-Прибоем галерею бездарных высших командиров образами прямых военных предателей — коменданта крепости генерала Стесселя, начальника его штаба полковника Рейса, генерала Фока, генерала Смирнова.

Автор романа нарисовал обаятельные образы «дядьки-черномора», как в шутку называли моряки адмирала Макарова, «души обороны» генерала Кондратенко, генерала Белого и др. Под их командованием крепость и I Тихоокеанская эскадра вписали в историю русско-японской войны немало героических страниц. Вместе с нарисованными в «Цусиме» образами Миклухи-Маклая, Коломейцева и др. образы Макарова, Кондратенко, Белого вошли в советскую литературу как правдивые и яркие характеры русских воинов, патриотов и героев.

Как и подлинными героями боя под Цусимой, подлинными защитниками Порт-Артура являются в романе Степанова рядовые солдаты и матросы и прогрессивная офицерская молодёжь: Юркин, Зайц, Харитина, Лепёхин, Енджеевский, Борейко, Звонарёв и др.

Интересно отметить замечательную особенность романа Степанова: широкое освещение творческого отношения русских солдат к военному делу. Изображая, как и Новиков-Прибой, техническую отсталость армии и флота, Степанов показывает природную смекалку русского человека. Малограмотные и безграмотные солдаты иногда проявляли безграничное богатство ума и изобретательности. Поручик Борейко, задумав преобразовать процесс стрельбы, обращается за советом к своим подчинённым и получает от них ряд «рационализаторских» предложений, помогающих достигнуть цели.

Вслед за Новиковым-Прибоем Степанов правдиво воспроизвёл картину классовых отношений в армии и флоте. Отношение чинов показано как проявление классовых противоречий в стране, как обострение антагонизма между угнетёнными и угнетателями. Солдаты видят виновников их военных неудач в лице высшего командования и жгуче ненавидят их, но при этом они беззаветно любят родину и русский народ, никогда не склонявшийся перед врагом. В конце романа один из героев, Капитоныч, говорит, поддерживая дух угнетённых поражением солдат:

«Не журишь, ребята! Я в Севастополе воевал с англичанами, французами, турками, сардинцами и знаю, что супротив русского солдата никто не может устоять! Купили японцы Артур у генерала, а русского солдата им вовек не победить».¹

Именно в подтверждение этого Степанов рассказал об артурской эпопее.

Однако книга Степанова имеет один существенный недостаток, которого нет в «Цусиме». Автор ограничил повествование крепостными стенами Порт-Артура. И это привело к тому, что он оторвал действие романа от международной обстановки и от общей обстановки внутри страны. Революционный подъём накануне революции 1905—1907 гг. нашёл слабое отражение в книге. Наиболее полно рост революционного протеста солдатско-крестьянской массы в повествовании Степанова выражает солдат-артиллерист Блохин. Это он говорит:

«Без бунта дело, братцы, не обойдётся. Как до дому доберёмся— помещицкую землю промеж себя поделим, а попервах всех генералов да офицеров побьём».² Но в протесте Блохина ещё много неорганизованного, стихийного, «разбойничьего». Лихость солдата

¹ Степанов А. Н., «Порт-Артур», ГИХЛ, 1947, стр. 608.

² Степанов А. Н., «Порт-Артур», стр. 406.

подчёркивается автором неоднократно. Так, Борейко узнаёт Блохина по его «разбойничьему свисту». И сам автор, рассказывая о поступках артиллериста, считает, что лихость Блохина и его разбойничий свист являются выражением сущности его беспокойного характера.

Блохина нельзя поставить в этом «бунте» рядом с матросом Новиковым. «Разбойничья» удаль Блохина, его анархизм, слабость к спиртному далеки от политической выдержки и революционной дисциплины Новикова.

Степанов не смог подняться в разрешении темы революции до уровня Новикова-Прибоя и не нарисовал ни одного случая не только сознательного революционного выступления матросов или солдат, но даже и стихийного массового бунта, которые с большой художественной правдивостью нарисованы в «Цусиме».

Правда, автор «Порт-Артура» рассказывает о возмущении солдат по поводу сдачи крепости японцам, но он не показывает это возмущение, чем обедняет своё повествование.

Но если Степанов всё-таки показывает классовую рознь в армии, то Сергеев в романе «Варяг» не даёт и этого.

А. Сергеев отразил сложную политическую обстановку в корейском порту Чемульпо перед разрывом дипломатических отношений между Россией и Японией. Он показал, как причудливо переплетаются империалистические интересы различных стран поживиться за счёт полуколониальной Кореи. Следуя за Новиковым-Прибоем и Степановым, Сергеев показал обстановку неразберихи, хаоса и неопределённости в дипломатических и военных взаимоотношениях между Россией и Японией до начала открытых военных действий, отразил коварство вероломных японцев, без объявления войны напавших на Россию.

Центральным событием романа является неравный бой русского крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец» с целой японской эскадрой, из которой один крейсер «Азама» превосходил по своей мощности оба русских корабля, вместе взятых. Как и в «Цусиме» и «Порт-Артуре», со страниц романа Сергеева встают образы героев-патриотов. Автор показал силу русского национального характера, чувство товарищества и взаимной выручки, мужество и самоотверженность матросов крейсера и канонерной лодки под командой Руднева и Беляева.

Но роман «Варяг» имеет много крупных недостатков, которые значительно снижают его художественную ценность.

Все недостатки произведения А. Сергеева вытекают из одной общей ошибки писателя: от отрывает происходящее в Корее от русской революционной действительности. События в Чемульпо никак или почти никак не связаны с событиями не только в центральной России, но и в ближайших к месту действия романа промышленных и культурных центрах (Владивосток, Иркутск, Новосибирск). Гибель «Варяга» и «Корейца» в свою очередь не вызывает широких откликов на материке. А между тем, как свидетельствует Новиков-Прибой в «Цусиме», слухи о героических подвигах матросов с этих кораблей доходили даже до моряков Балтийского флота и вызывали на кораблях и в экипажах оживлённые обсуждения этого случая.

А Сергеев отступил от исторической правды также и в освещении взаимоотношения низших чинов и офицеров. Матросы и офицеры у него — дружная семья. Их отношения окрашены автором розовыми красками, как будто в армии не было муштры, зуботычин, мордобоя. Матросы сыты, опрятны, довольны собою, своими командирами и... царизмом. Фальшивой наивностью, а нередко и примитивизмом веет от строк, повествующих о «классовом мире» в российском флоте. Командиры для своих матросов—в худшем случае добродушные ворчуны, как старший офицер крейсера «Варяг» капитан 2-го ранга Степанов. Здесь нет ни Вредных, ни Воробейчиков, ни Бурнашевых, ни даже Рожественских.

Не нашла отражения под пером А. Сергеева и волна антивоенного протеста и критических настроений русского народа.

Романист хотел показать, что вероломное нападение милитаристской Японии на Россию вызвало единодушный патриотический подъём русского народа и что нитью не было места в тот момент, но он забыл о революционной идее. Истинные патриоты, как показал Новиков-Прибой, умели быть на войне и героями и беспощадными обличителями разлагающегося царского строя (Воеводин, Бакланов, Новиков, Васильев и др.).

Революционное движение в стране прошло мимо внимания автора произведения. Сергеев не отразил никакого роста революционных настроений во флоте, а о росте освободительного движения в России повествует очень бегло, вскользь, как о чём-то далёком, стоящем не только за пределами данной обстановки, но и за пределами повествования.

Все эти недостатки романа «Варяг» снизили его художественную ценность. Сергеев пытался идти за Новиковым-Прибоем и Степановым, изображая патриотизм русского народа, но он предал забвению лучшие традиции советской литературы. Он выхватил события из конкретно-исторической обстановки, изобразил историю без учёта её дальнейшего развития, то есть внеисторически.

Ни Степанов, ни, тем более, Сергеев не смогли решить полностью в своих романах, как это сделал Новиков-Прибой в «Цусиме», проблемы положительного героя. Обобщённого образа революционного народа и даже образа отдельного сознательного революционера нет в романах указанных писателей.

Новиков-Прибой нашёл полноценного положительного героя. Образами Васильева, Новикова и других автор «Цусимы» доказал, что он понял эпоху лучше, ибо изобразил её в революционном развитии и всегда помнил, каковы перспективы истории.

Сумел учесть достижения Новикова-Прибоя и закрепить их автор романа «На сопках Маньчжурии» П. Далецкий.

П. Далецкий повествует о военных действиях русских войск под командованием Куропаткина на сухопутном фронте. Сюжет романа не замкнут в узких рамках военной повести. Используя опыт Новикова-Прибоя, Далецкий создаёт широкий исторический фон, на котором происходит действие романа, переносит действие с фронта в Петербург, из России — в Японию.

Заслуга Далецкого в том, что он сумел широко отразить работу большевистских организаций в армии. Пробуждение революционного самосознания солдат Далецкий ставит в прямую связь с пролетарским движением в центре России, в Петербурге.

П. Далецкий создаёт правдивые и запоминающиеся образы большевиков-ленинцев. Как и Васильев в «Цусиме», армейские революционеры Далецкого несут в массы ленинские идеи поражения самодержавия. Большевики-армейцы (Неведомский, Хвостов, Горшенин) стремятся направить стихийное недовольство солдат в русло сознательного организованного протеста. Смысл работы большевиков в армии вскрывается в споре капитана Неведомского и поручика Топорнина о методах работы революционеров среди фронтовиков.

Топорнин, не входящий в подпольную организацию, является, по собственным его словам, «вольнопрактикующим революционером». Беда его в том, что его революционность носит анархистский, бунтарский характер. Отсутствие у него ясных теоретических положений приводит его к роковой ошибке: он агитирует солдат дезертировать с фронта. Большевик Неведомский старается раскрыть ему глаза на правду: «Что мы сейчас должны делать в армии? Готовить батальоны, которые примкнут к восставшему народу! Готовить революционные батальоны!.. Надо сделать всё, чтобы эти люди в грядущей схватке стали на сторону народа. Зерно недовольства есть, его нужно взрастить, нужно учить Кереева, Панина и других тому, что спасение в совместных действиях, направленных к общей цели».¹

¹ П. Далецкий, На сопках Маньчжурии. Советский писатель, 1951, т. II. стр. 382.

Замечательно, что этот разговор переключается со сценой из «Цусимы», когда баталер Новиков сдерживает пылкого Цунаева от применения бомб. Оба писателя совершенно правильно поняли цели работы большевиков в армии: готовить революционные батальоны и корабли.

П. Далецкий правдиво отразил сложность политической обстановки в стране накануне революции 1905 года, показав, как в упорном разъяснении правды рабочим ленинцы одерживали победы над меньшевиками, как народ постепенно склоняется на сторону настоящих народных заступников — большевиков.

В духе «Цусимы» освещается в романе Далецкого проблема офицерства и народа. Поручик Логунов долго считал, что политика не касается офицера. Он помогает своей сестре-революционерке, но остаётся равнодушным к её идеям. Одобрив их как благие порывы, он считает, что «все эти вещи не касаются армии, потому что армия есть организм особый, где определяются лучшие качества человека: например, готовность пожертвовать собой на благо родины». Военная героика и романтические настроения мешали поручику понять правду революции. И только постепенно, сначала помимо своей воли, а потом сознательно, он втягивается в революционную работу.

Развил и расширил Далецкий тему изображения японского народа. Автор «Цусимы» узко поставил её в плане общей характеристики классовых отношений в Японии, опровергнув распространённое в ту эпоху мнение, что Япония вела войну при всеобщем народном одобрении политики милитаристских заправил.

П. Далецкий развернул эту характеристику в художественную картину и отразил социалистическое движение в Японии. Более того, он показал, что японская военная машина тоже подвержена революционным веяниям: офицер Юзо начинает осознавать свои связи с народом.

П. Далецкий затронул и ряд новых проблем, которых нет или почти нет в «Цусиме». В романе «На сопках Манчжурии» отводится много места русско-китайским и японо-китайским отношениям, вскрываются корни великой дружбы двух великих народов: русского и китайского. Китайские крестьяне связывают судьбу своего освободительного движения с судьбой русской революции. Дружба китайского революционера Якова Ли и русского богатыря-солдата Емельянова символизирует взаимоотношения лучших, прогрессивных сил двух народов.

Но если тематически Далецкий дополняет Новикова-Прибоя (а иначе и не должно быть: писатель не может только «повторять зады»), то в художественном отношении «На сопках Манчжурии» уступает «Цусиме». Обилие больших и малых тем, деталей, подробностей мешает Далецкому чётко установить основной конфликт и главные тенденции развития эпохи, а это, в свою очередь, мешает писателю создать заострённые, запоминающиеся образы. В романе Далецкого нет такого цельного, обобщённого образа «пса самодержавия», каким выступает в «Цусиме» Рождественский, или такого глубоко народного образа революционера, каким выведен в «Цусиме» Новиков, или коллективного образа революционного народа, который с такой выразительностью и правдивостью нарисован Новиковым-Прибоем. К революции как к социальной кульминации, как к активному движению масс Далецкий продвигается очень осторожно, ощупью, хотя художественные пути к ней давно открыл в жанре исторического романа А. С. Новиков-Прибой.

Для примера сравним обрисовку образов двух командующих — Куропаткина и Рождественского.

Характеристика Куропаткина даётся через восприятие Ивнева-прапорщика, настроенного романтически и верноподданически по отношению к Куропаткину. В характеристику командующего, в результате этого, внесено много субъективного, нетипического, важного только для Алёшеньки, что лишает образ обобщённости и заострённости.

Известно, что характеристику Рождественского Новиков-Прибой даёт тоже через восприятие отдельных героев. Но автор «Цусимы» избежал субъективизма в оценке адмирала. Образ командующего 2-й эскадрой стал типичным, собирательным.

Характеристики, которые дают Рождественскому Новиков, Устинов, Пучков, вытекают из классовых отношений массы матросов к своему командующему. Ивнев же отталкивается от «вечных истин» добра, зла, чести, славы и бесчестия. Он далёк от принятия классовой борьбы. Поэтому в его характеристике Куропаткин теряет типические социальные черты и представляется лицом страдательным и даже страдающим.

После краткого сопоставления четырёх романов о русско-японской войне можно сделать вывод: роман Новикова-Прибоя «Цусима» освещает события эпохи русско-японской войны так художественно правдиво, что в некоторых случаях разрешение поставленных в нём вопросов остаётся известной нормой для позднейших произведений советских писателей, а в иных случаях — вершиной, которую не все из его последователей достигли. И Новиков-Прибой, и его соратники добивались успехов тогда, когда они изображали исторические события в перспективе, в их революционном движении, когда изображали историю с учётом дальнейшего развития.